

Жемчуга В. Набокова-Сирина: слова и образы

Карина Алеговна Жулькова, Институт научной информации по общественным наукам РАН
(Москва, Россия), karinazhulkova@rambler.ru

DOI: 10.31857/S0131611725020063

аннотация: В статье рассматривается ранняя лирика В. В. Набокова, в основном тексты, вошедшие в сборники 1923 г. «Горный путь» и «Гроздь». Акцентируется важность слова-образа жемчуг/жемчужина (и дериватов — жемчужный/жемчужовый) в поэтике Набокова-Сирина. Утверждается, что для художника-синестетика жемчужный не только отличается от белого, но и контрастирует с ним («Садом шел Христос с учениками...»), помогает создать образы ушедшего («Романс») и несбывшегося («Пьяный рыцарь»), хрупкой поэтической души («Поэты») и молитвенного восхищения природой («Кипарисы»). Устанавливается, что в прямом значении — драгоценного камня, предмета роскоши — жемчуг в стихотворениях Набокова встречается редко («На севере диком», «Страна поэтов»), при этом выполняет функцию эквивалента ценностей нематериальных. Отмечается, что, появившись уже в программном стихотворении «Дождь пролетел», жемчужина (дождевая капля — центр мироздания) становится одной из наиболее значимых авторских метафор, которая обыгрывается и в привычном для мировой литературы ключе, когда диковинный камень, невероятными усилиями поднятый со дна морского, символизирует духовный поиск («Жемчуг»), и в контексте библейской символики («Тайная вечеря», «Садом шел Христос с учениками...»); включает в себя многочисленные аллюзии и реминисценции (Низами, Гете, Блок, Гумилев, Маяковский).

ключевые слова: В. В. Набоков, ранняя лирика, жемчуг, жемчужина, жемчужный, образ, метафора, библейская символика

для цитирования: Жулькова К. А. Жемчуга В. Набокова-Сирина: слова и образы // Русская речь. 2025. № 2. С. 81–91. DOI: 10.31857/S0131611725020063.

The Language of Fiction

Pearls by V. Nabokov-Sirin: Words and Images

Karina A. Zhulkova, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian), karinazhulkova@rambler.ru

ABSTRACT: The article deals with the early lyrics of V. V. Nabokov, mainly the texts included in the 1923 collections “Gorny Put” (engl. “The Mountain Way”) and “Grozd”. It particularly emphasizes the importance of the word pearl/pearls (both as noun and as adjective) in Nabokov-Sirin’s poetics. The article argues, for the synesthetic artist like Nabokov, pearl is not just clearly different from white, but also contrasts with it (“Christ walked with his disciples...”). The use of pearly color helps the author create the images of what is gone (“Romance”) and what might have been (“The Drunken Knight”), of the fragile poetic soul (“Poets”) and reverential admiration for the nature (“Cypresses”). Furthermore, the article points out how rarely “pearl” is used in Nabokov’s poems in its literal meaning — a precious stone, a luxury item (“In the Wild North”, “The Land of Poets”). More often, it is portrayed as the equivalent of the intangible values. The article goes on to conclude that having appeared already his pivotal poem “The Rain Has Flown”, a pearl (a raindrop — the center of the universe) becomes one of the most eloquent metaphors by Nabokov. The metaphor is played up in the way common for the world literature, when an outlandish stone raised by incredible efforts from the bottom of the sea, symbolizes a spiritual search (“The Pearls”), but also, notably, in the context of biblical symbolism (“The Last Supper”, “Christ walked with his disciples...”); includes numerous allusions and reminiscences (Nizami, Gethe, Blok, Gumilev, Mayakovsky).

KEYWORDS: V. V. Nabokov, early lyrics, pearls, pearl, pearl image, metaphor, biblical symbolism

FOR CITATION: Zhulkova K. A. Pearls by V. Nabokov-Sirin: Words and Images. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 2. Pp. 81–91. DOI: 10.31857/S0131611725020063.

В прошлом году исполнилось 125 лет со дня рождения В. В. Набокова (1899–1977). Он уточнял, что родился в один день с Шекспиром [Набоков 2004: 32] и через сто лет после Пушкина [Старк 2000: 21], изящно и дерзко связывая свое имя с гениями русской и английской поэзии.

Обладатель уникального билингвального дара, девять раз выдвигаемый на Нобелевскую премию, классик мировой литературы, по способу мировосприятия Набоков прежде всего поэт.

Поэтический голос он услышал в себе еще в отрочестве. Став его «алтарем и безумием», стихи не остались лишь юношеским увлечением. Набоков писал их до конца своих дней, выпустив несколько сборников, среди которых «Горний путь» (1923), «Гроздь» (1923), «Возвращение Чорба» (1930), «Poésie» (1962), «Poems and problems» (1970).

В дебютном, по словам автора, написанном в возрасте пятнадцати лет стихотворении «Дождь пролетел» впервые появляется и привлекает к себе внимание набоковский «жемчуг»:

Воздух живителен, влажен, душист.

Как жимолость благоухает!

Кончиком вниз наклоняется лист

и с кончика жемчуг роняет¹. [Курсив здесь и далее мой. — К. Ж.]

Целое эссе (первая часть одиннадцатой главы мемуарной книги «Память, говори» [Набоков 2004]) Набоков посвящает моменту написания этого стихотворения, моменту впервые сошедшего на него вдохновения, вызванного похожей на ртутный шарик дождевой каплей, которая, совершив «неожиданное глиссандо», скатывается с листа. «Испытанный шок» в ту долю секунды, что осознается уже «не столько отрезком времени, сколько щелью в нем», когда стук сердца сливается с пульсацией рифм, — знаменует рождение поэта.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Набоков В. В. Стихи. [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi.htm>

Однако биограф Набокова Б. Бойд, оспаривая авторскую датировку стихотворения «Дождь пролетел», отмечает, что «несмотря на массу подробностей» в значительной степени это лишь «стилизация реального события», что Набоков, представляя озарение «как гром среди ясного неба, как событие неожиданное и необычное», к этому времени уже «около пяти лет сочинял стихи на трех языках» и что стихотворение «написано не в 1914-м, а в мае 1917 года, спустя сотни других» [Бойд].

Для чего же Набокову эта небольшая мистификация? Почему именно стихотворение «Дождь пролетел» открывает его последний прижизненный сборник? Отчего с него же начинаются некоторые посмертные издания (например, составленное Я. С. Марковичем издание «Ангелом задетый» [Набоков 1990])? Думается, выдвинутое на первый план стихотворение становится поэтическим манифестом художника — провозглашением абсолютного приятия мира в его весеннем обновлении и воскресении.

Художественное постижение мира в ранних стихах Набокова сближено с пантеистическим мирозерцанием, что наиболее выпукло отражено в строчках из «Мне так просто и радостно снилось...» (1919): «...а в саду каждый листик лучистый / улыбался как маленький бог», — и, безусловно, в стихотворении «Мы столпились в туманной церковенке...», где лирический герой в молитвенном экстазе приветствует чудо нисхождения весны:

и не свечи мы держим, а ландыши,
влажной зеленью веет — не ладаном,
и, расставя ладони лучистые,
окруженная сумраком радостным,
на иконе Весна улыбается.

Средоточием, эпицентром пробуждающегося мира в стихотворении «Дождь пролетел» становится душистая весенняя дождевая капля на кончике листка. Будто сама жизнь, свернутая в жемчужину, отражает вселенную, завораживает поэта. В этот миг она центр мироздания.

Взгляд Набокова — взгляд художника. С детства проявляя способность к рисованию, он брал уроки у М. Добужинского, художника-иллюстратора, обладающего чувством стиля, композиции и ритма, умеющего передавать настроение с помощью точных, выверенных деталей. Набоков подчеркивал его роль в своей жизни, упоминая о том, что именно «знаменитый Добужинский» научил его находить драгоценный узор в тонких ветвях голого дерева, привил «правила равновесия и гармонии», которые, возможно, «пригодились в литературном сочинительстве» [Набоков 1991: 76].

«Ненасытному зрению» [Набоков 2008: 158] Набокова способствовало и воспитание. Мать, Елена Ивановна Рукавишниковна, тоже увлекалась живописью, рисовала для сына акварели. От нее Набоков унаследовал и цветной слух, при котором каждый звук связан с каким-то оттенком цвета: «...пыльно-ольховый Ф ... влажно-голубой С, черничный К и блестяще-сиреневый З» [Набоков 2008: 158].

Синестетическими особенностями восприятия Набокова во многом определяется экфрастичность его текстов. Звуки приобретают цвета, а запахи — форму, складываются в причудливую образную систему.

В «первом» стихотворении Набокова явлено миросозерцание художника-синестетика, для которого важно слить в нерасторжимое единство весенние краски (румяные дорожки, белеющие на ивах сережки), звуки (свищут иволги), ароматы (душистый воздух, благоухание жимолости), передать тактильные ощущения (влажный, живительный воздух) и заключить все это почти платоновской метафорой.

Что для Набокова жемчуг? Не просто белый, а перламутрово-белый, драгоценно-белый, сияющий белый? Случайно ли он рассыпан в стихах, связанных с размышлениями о единении человека с природой, о тайнах мирозданья?

Важно отметить, что в своем прямом значении — драгоценного камня, предмета роскоши — жемчуг сыграл важную роль в жизни молодого поэта (два года в Кембридже он смог учиться благодаря жемчужному ожерелью матери)², но в его лирике встречается нечасто. Одно из таких упоминаний можно найти в написанной во время берлинских каникул 1920 г. поэме со сказочным сюжетом «На севере диком», в которой юная туземка, от лица которой ведется повествование, обещает прекрасному незнакомцу рубины («лалы») и жемчуга:

Это всё твои подарки:
птицы яркие, цветы,
грозди лалов и жемчужин, —
ты мне нужен, только ты!

Второй пример буквального значения слова находим в стихотворении «Страна стихов» (1924), однако и здесь, являясь эквивалентом роскоши, жемчужина достается лишь обладателю поэтического дара, с «пленительной» планеты, «блаженного края», где «боги справедливы», а творцы свободны и богаты; они могут позволить себе всё, «от хлеба до жемчужин»,

² Б. Бойд описывает ситуацию, когда Набокова чуть не арестовали жандармы, настолько его внешний вид контрастировал с роскошью жемчуга, принесенного на продажу [Бойд].

за «звон особенных монет»: за «рифму целый ужин / и целый дом за праривильный сонет».

Тема уязвимости, ранимости творца, отторгнутого грубым миром, затронута в стихотворении «Поэты» (1919). Она строится на излюбленном Набоковым образе бабочки. Сочетание с эпитетом «жемчужной» придает особую хрупкую утонченность, усиливает контраст:

И, слабый, ласковый, ненужный,
он веет тонкою тоской,
как трепет бабочки *жемчужной*
в окне трескучей мастерской,

— и легко коррелирует с «бабочкой поэтиного сердца» Маяковского («Нате!» (1913)).

В значении необработанного камня, скрытого створками раковины, затерянного в морских глубинах, с большим трудом добываемого смельчаками-ныряльщиками и обычно связанного в мировой литературе³ с трудностями духовного поиска, жемчуг встречается в одноименном стихотворении Набокова. Названный только в заглавии, он заменяется перифразой «лоснящийся нарост», метафорически представляет собой драгоценность — обретенную любовь⁴. Ее достойны лишь храбрецы, решившиеся «страстных мук изведать глубину». В двух последних строфах стихотворения «Жемчуг» (1923) поэт противопоставляет образы счастливого, сумевшего вынырнуть с вожденной добычей:

И тогда он вынырнет, раздвинув
яркими кругами водный лоск,
и спокойно улыбнется, вынув
из ноздрей побагровевший воск,

— и лирического героя, который сошел «в свою глухую муку», оказался на дне и услышал над собой звук уплывающей ладьи:

...я на дне. Но снизу, сквозь струи,
все же внемлю шелковому звуку
уносящейся твоей ладьи.

Стихотворение было написано вскоре после отказа родителей Светланы Зиверт отдать за Набокова дочь ввиду отсутствия у жениха стабильного

³ О бытовании в русской литературе слова «жемчуг» см.: [Шустов 1997], [Грачёва 2002].

⁴ Есть подобная метафора и в прозаическом тексте Набокова, в романе «Приглашение на казнь»: «И все это — не так, не совсем так, и я путаюсь, топчусь, завираюсь, — и чем больше двигаюсь и шарю в воде, где ишу на песчаном дне мелькнувший блеск, тем мутнее вода, тем меньше вероятность, что найду, схвачу» [Набоков 2000: 102].

дохода. Зарабатывающий на тот момент репетиторством и переводами молодой поэт даже предпринял попытку послужить в немецком банке, однако попытка не увенчалась успехом: не выдержав и недели, он уволился. Личная трагедия автора, который не сумел убить в себе художника, отказаться от призвания, легла в основу стихотворения. Вероятно, поэтому в его последней строфе можно услышать отголоски блоковской «Осенней любви», где особенно ярко высвечен образ страдающего поэта. Однако если блоковский лирический герой, изнемогающий на кресте, обращается к Христу: «И челн твой — будет ли причален / К моей распятой высоте?» [Блок 1955: 255], — то лирический герой Набокова с высоты обрушен на самое дно, и ладья — символ спасения — уносится от него. Так, обыгрывая далеко не новую в мировом искусстве метафору ловцов жемчуга, Набоков вписывает ее в стилистику Серебряного века, безусловно, откликаясь также на «Искателей жемчуга» Н. С. Гумилева (1906) и на его сборник «Жемчуга» (1910), заимствуя балладность, сюжетность, динамику.

О своем увлечении Гумилевым Набоков не раз признавался в прозе и в стихах. В одном из поздних стихотворений он восклицает:

«Как любил я стихи Гумилёва!
Перечитывать их не могу,
но следы, например, вот такого
перебора остались в мозгу:
“...И умру я не в летней беседке
от обжорства и от жары,
а с небесной бабочкой в сетке
на вершине дикой горы”» (1972) [Набоков 2004: 689–690],

— конгениально пророчески пересоздавая в последней строфе четверостишие Гумилева: «...И умру я не на постели, / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще...» («Я и Вы», 1917), — а в статье «Искусство литературы и здравый смысл» вспоминает расстрел Гумилева, восхищаясь его улыбкой на месте казни и называя поэтом-рыцарем.

Гумилевские и блоковские коннотации поисков Прекрасной дамы звучат в стихотворении Набокова «Пьяный рыцарь» (1917–1922). Лирический герой успевает увидеть только длинное изумрудное платье промчавшейся на коне героини. Она исчезает в дубраве, остаются только «под трезвонной листвой / жемчужовые подковы, / оброненные луной» (не случайно поэт-синестетик использует более жесткое *жемчужовые* вместо мягкого *жемчужный*, акцентируя дополнительные звуковые и семантические функции

слова для создания образа пронесшегося вихрем коня). Сон, навежде-ние рассеиваются, но вода, застывшая в следах, вбирает в себя лунный свет, приобретает перламутровый оттенок, напоминает о прекрасном видении.

Подобный образ создается Набоковым в «Романсе» (1920). В стихотворении-воспоминании поэт рисует лунную ночь, узкие черные тени влюбленных. Тени скользят по песку, а следы «голых ступней / наполняются влагой *жемчужной*». Так, эпитетами «жемчужный», «жемчужовый» подчеркивается неземная, лунная природа таинственного, влекущего, прекрасного.

В стихотворении «Кипарисы» (1919), где вода и луна вновь сливаются, отражая мировую гармонию, Набоков вписывает любившийся образ в религиозный контекст. Поэт-живописец создает картину, на которой изображено наполненное лунным светом озеро, щедро используя в своей экфразе религиозную лексику: над «*чашей* озера *жемчужной*», над «сияющей *святыней*», склоняются «будто черные *монахи*» три кипариса и «поют *молитвы по-латыни*».

Еще отчетливей религиозный контекст проявляется в другом живописно-поэтическом полотне Набокова — в стихотворении «Тайная вечеря» (1918)⁵. Час последней трапезы Христа с учениками в канун Страстной пятницы озарен луной, «ночной *жемчужиной*», бросающей свет на «олеандровые лепестки» и на руки Христа, которые и сами будто излучают свет. В тени же остаются наклонившиеся друг к другу апостолы. Так, играя светотенью, Набоков отчетливо выделяет несколько деталей, очень просто, но выразительно передает атмосферу интимности и напряженного ожидания.

Час задумчивый строгого ужина,
Предсказанья измен и разлуки.
Озаряет ночная *жемчужина*
Олеандровые лепестки.
Наклонился апостол к апостолу.
У Христа — серебристые руки.
Ясно молятся свечи, и по столу
Ночные ползут мотыльки.

Самый яркий фрагмент картины — луна, озаряющая руки Христа. Названная «ночной *жемчужиной*», она соотносится с библейской метафорой: жемчужина — Царствие Небесное (Мф. 13:45–46), выраженной

⁵ Об особенностях создания библейских образов в этом и других лирических текстах В. В. Набокова см. [Жулькова 2025].

в этом стихотворении не так явно, как, например, в «Садом шел Христос с учениками...», о котором речь пойдет ниже, но уже читаемой.

Рисуя картину «строгого ужина», наполняя ее с помощью библейской метафоры дополнительным смыслом, поэт-энтомолог вносит в нее и свой знак — мотыльков. По многим поверьям, ночные бабочки — души умерших. Думается, Набокову важно показать устремленность души к свету, двойственность существования, скоротечность жизни.

Крылатые существа (бабочки, птицы, ангелы) часто появляются в творчестве Набокова. Не случайно, замороженный фольклорным образом мифической райской птицы Сирин, он выбрал себе крылатый псевдоним.

В стихотворении «Садом шел Христос с учениками...», основанном на контрасте света и тьмы, жизни и смерти, на «песок, вытканый павлиньими глазами», поэт выкладывает труп собаки. Павлиньи глазки — бабочки, чьи крылышки украшены похожим на глаза узором — это, безусловно, важная деталь, призванная усилить контраст между по-бодлеровски⁶ подробным описанием разложившегося тела, символизирующего бренность человеческого существования, и трепетом души, причастной миру горнему.

Набоков пристально рассматривает разложившийся песий труп, каким он видится ученикам Христа. Ни лица, ни фигуры самого Спасителя мы не видим. Однако в завершающей строфе ракурс меняется. Возникает иной взгляд. Это взгляд Христа.

Говорил апостолу апостол:
«Злой был пес, и смерть его нага, мерзостна...»
Христос же молвил просто:
«Зубы у него — как жемчуга...»

Отталкивающая картина гниения и тлена противопоставляется вечной красоте. Антитеза строится не на привычной антонимии белый — черный (напротив, белый и черный будто сливаются), а на поистине художническом контрасте белого с жемчужным. Апостолы видят «резцы», белеющие из-под черной складки «торжествующей смерти», Христос — жемчуга.

Первоначальное название стихотворения, «Сказание (из апокрифа)», указывает на происхождение сюжета, не входящего в каноническое Евангелие, а заимствованного из распространенных на древнем Ближнем Востоке мусульманских источников, в которых, однако, как указал О. Ронен,

⁶ В стихотворении «Падалъ» из сборника «Цветы зла» (1857) лирический герой Ш. Бодлера, обнаруживший, гуляя с любимой, гниющую тушу лошади, размышляет о жизни и смерти, красоте и безобразии.

нет упоминания о жемчуге [Ронен 2013: 227]. Использовал Набоков и гётевский перевод того же сюжета у Низами:

Так всякий пел на свой манер,
На пса проклятья насылая.
Когда ж черед Иисусу вышел,
Он без обиды говорит,
Благой природы воплощенье:
«Как жемчуг, белы эти зубы».
От этих слов всех пот прошиб
И жар пронял безмерно грубых [Гёте 1988: 195].

Между тем в переложении Гёте «проницательно-мудрого» Иисуса обступает толпа зевак, а не ученики.

Набоков же акцентирует внимание на сравнении «как жемчуга», при этом не просто упоминает учеников, но и называет апостолов-евангелистов:

Иоанн, как дева, отвернулся,
сгорбленный поморщился *Матфей*...

— таким образом предоставляет ключ к расшифровке религиозно-философских подтекстов, красноречиво обнажает смыслы, связанные с библейской метафорой жемчуга. В Откровении Иоанна Богослова есть видение Небесного Иерусалима с двенадцатью райскими воротами, сделанными из сияющих жемчужин (Откр. 21:21), а в Евангелие от Матфея — притча о купце и драгоценной жемчужине, которая уподоблена Царствию Небесному (Мф. 13:45–46). Так, речение Христа в стихотворении Набокова пронизывается светом евангельской истины. Ученикам же ее сияние еще не очевидно. Свечение истинной красоты остается сокрытым для людей, сосредоточенных на несовершенстве дольнего мира, и потому уместно и другое метафорическое упоминание жемчуга у Матфея: «Не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7:6). Это упоминание делает понятным и то, почему в набоковском тексте, в отличие от текстов источников, действие перенесено в Гефсиманский сад — место, где Христос предается в руки грешников.

Таким образом, слово-образ *жемчуг/жемчужина* имеет в поэтике Набокова концептуальное значение, становится символом природной гармонии, духовного света, включает в себя многочисленные аллюзии и реминисценции, обнаруживая тесную связь с мировой культурной традицией.

Источники

Блок А. А. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1955. 815 с.

Гете И. В. Западно-Восточный Диван. М.: Наука, 1988. 904 с.

Набоков В. В. Стихи [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi.htm> (дата обращения: 27.02.2025).

Набоков В. В. Ангелом задетый: Стихи. Сост. и вступит. ст. Я. С. Марковича. Вып. 1. М.: СП «Вся Москва», 1990. 79 с.

Набоков В. В. Другие берега. Л.: Политехника, 1991. 400 с.

Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 2002. 784 с.; Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2008. 832 с.

Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2004. 700 с.

Литература

Бойд В. Владимир Набоков: русские годы [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/bio/bojd-nabokov-russkie-gody/index.htm> (дата обращения: 7.07.2024).

Грачева И. В. Жемчуг в русской литературе // Русская речь. 2002. № 3. С. 14–20.

Жулькова К. А. Художественная деталь как основа создания библейских образов в ранней лирике В. В. Набокова // Литературоведческий журнал. 2025. № 1 (67). С. 142–159.

Ронен О. Набоков и Гете / Публик. и пер. с англ. И. Ронен // Звезда. 2013. № 7. С. 223–230.

Старк В. П. А. С. Пушкин и творчество В. В. Набокова: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2000. 41 с.

Шустов А. Н. Маргарин – брат перловки // Русская речь. 1997. № 4. С. 108–116.

References

Boyd V. *Vladimir Nabokov. Russkiye gody* [Vladimir Nabokov. Russian years]. Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/bio/bojd-nabokov-russkie-gody/index.htm> (accessed 7.07.2024).

Gracheva I. V. [Pearls in Russian literature]. *Russkaya rech'*, 2002, no. 3, pp. 14–20. (In Russ.)

Ronen O. [Nabokov and Goethe]. *Zvezda*, 2013, no. 7, pp. 223–230. (In Russ.)

Shustov A. N. [Margarin is the brother of pearl barley]. *Russkaya rech'*, 1997, no. 4, pp. 108–116. (In Russ.)

Stark V. P. A. S. *Pushkin i tvorchestvo V. V. Nabokova. Avtoreferat dis. ... dokt. filol. nauk* [Pushkin and the work of V. V. Nabokov. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2000. 41 p.

Zhulkova K. A. [Literary Detail as a Basis for Creating Biblical Images in the Early Lyrics of V. V. Nabokov]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2025, no. 1, pp. 142–159. (In Russ.)